

Он зашёл в ближайшую чайную, выбрал укромный столик в углу и заказал чайник горячего чая.

Под столом ноги Шэнь Фаши были неловко раздвинуты — он боялся, что малейшее трение ткани усилит и без того нестерпимое жжение. Стиснув кулаки, он пытался выбросить из головы образ тех дымящихся губ. В итоге он провёл в тишине чайной весь день, беспокойно ерзая на стуле, пока наконец не сунул руку в брюки и не обхватил болезненно напряжённый, готовый вот-вот лопнуть член. Лишь испортив исподнее, Шэнь Фаши, пылая от стыда, покинул заведение — и тут же столкнулся с Цзи Саньмэем, выходящим из цветочного дома с золотой нефритовой курительной трубкой в руке.

Тот шёл, развеваясь на ветру, весь его облик дышал холодным изяществом. Лишь увидев Шэнь Фаши, он тронул уголки губ лёгкой, весёлой улыбкой:

— Брат Шэнь, вот уж действительно — куда ни кинь, всюду ты.

... Этот образ — холодность, смешанная с легкомыслием, — намертво засел в сердце Шэнь Фаши. Семя, брошенное при первой встрече, к тому моменту уже проросло в могучее дерево. До дня, когда они признались друг другу в чувствах, Шэнь Фаши восхищался Цзи Саньмэем целых десять лет.

Вспомнив об этом, Шэнь Фаши опустил взгляд на ребёнка, свернувшегося у него на руках. Малыш был на него не похож, однако на лице его играла та же хитрая улыбка. В сердце Шэнь Фаши закралось сомнение. При хозяине невольничьего рынка он не мог задавать лишних вопросов, но теперь, в «Ветре над рекой», он обязательно испытает этого ребёнка.

Цзи Саньмэй, уткнувшись лицом в его грудь, мирно спал, пока Шэнь Фаши не поднялся на каменные ступени. Тут он поднял голову — три иероглифа «Ветер над рекой» горделиво сияли в воздухе. Последний штрих был исполнен с древней, сдержанной силой, словно вспышка клинка, извлечённого из ножен, — очень уж напоминал почерк самого Шэнь Фаши.

Цзи Саньмэй нахмурился: название «Ветер над рекой» казалось до боли знакомым. Призадумавшись, он вдруг понял — так назывался цветочный дом, который они часто навещали в городе Чжуинь.

Однако этот «Ветер над рекой» оказался не тем. Переступив порог, он увидел уютную, скромно обставленную гостиницу: несколько столов, стульев, на стойке — нефритовая ваза со свежими бутонами жасмина, тонкая струйка сандалового благовония источала прохладный, нежный аромат.

Обстановка была простой и аскетичной, однако каждая вещь здесь стоила целое состояние. Одни только полы из старого сандалового дерева, покрывавшие весь зал, дышали спокойствием и деньгами. Увидев это, Цзи Саньмэй слегка вздрогнул и посмотрел на Шэнь Фаши. Благодаря ему в чужом краю он нашёл знакомый уголок — и на душе стало чуть спокойнее.

«Ветер над рекой» располагался в центре города Юньян, окружённый усадьбами знати. Этот тихий островок среди шумного города был поистине драгоценен. Даже встречавший их слуга выделялся благородной внешностью и учёным видом, вызывая симпатию с первого взгляда.

Однако едва слуга заговорил, Цзи Саньмэй слегка опешил:

— Мастер Шэнь, вы прибыли?

Шэнь Фаши кивнул, прижал к себе Цзи Саньмэя, давая понять, что ребёнка забирать не нужно, и распорядился:

— Подготовьте комнату. И еды — простой, без лишних жиров.

Слуга, не проронив лишнего слова, поклонился и проводил их в комнату в восточном крыле. Впустив гостей, он бесшумно закрыл дверь и удалился готовить угощение и горячую воду.

Шэнь Фаши уложил Цзи Саньмэя на мягкую постель. Малыш, ничуть не стесняясь, перевернулся на бок, сел и потер растрёпанные волосы:

— Дядя Шэнь, ночь здесь, наверное, очень дорогая?

Шэнь Фаши сел на край кровати и мрачно взглянул на него:

— Ты ещё мал, к чему тебе заботиться о деньгах?

Цзи Саньмэй честно признался в своей скупости:

— ... Боюсь бедности.

Шэнь Фаши протянул руку, поправил выбившуюся прядь на его виске и снова уложил его на постель:

— Отдыхай спокойно. Это моё владение.

То есть жить можно бесплатно. Цзи Саньмэй закатил глаза:

— Мы ждём тех двоих дядек?

Его пронизательность позволяла Шэнь Фаши объясняться короче. — Верно, — кивнул он, расправляя одеяло и укрывая малыша. — Ложись, отдохни. Скоро подадут еду.

Но Цзи Саньмэй и не думал лежать смирно. Перевернувшись на бок и подперев голову рукой, он улыбнулся Шэнь Фаши:

— Дядя Шэнь, вы мирянин?

Шэнь Фаши кивнул.

— И соблюдаете только три обета?

Шэнь Фаши снова кивнул.

Тогда Цзи Саньмэй безошибочно уловил суть:

— Значит, обет безбрачия не соблюдаете?

— Нет.

Цзи Саньмэй собирался поддеть Шэнь Фаши, но тот устремил на него холодный, серьёзный взгляд и отчеканил:

— Лучшие радости любви я уже испытал. Лишнего мне не нужно.

Он пристально смотрел на лицо Цзи Саньмэя, надеясь уловить хоть тень смущения. На восемнадцатый день рождения Цзи Саньмэя, под хмелем, он разрушил стену между ними. И лишь в процессе понял, сколько прекрасного времени они потеряли, скрывая взаимные чувства.

Будь он на месте Цзи Саньмэя, он бы не забыл тот день никогда.

И улыбка Цзи Саньмэя, как он и ожидал, вдруг застыла.

— «Любовь»... Неужели он имеет в виду то, что я подумал?

— Шэнь Фаши... спал с кем-то ещё?

Авторское примечание:

Саньмэй: Ты спал с кем-то ещё?!

Мастер:

Саньмэй: Лучшие радости любви, говоришь?

Мастер:

Саньмэй: Лишнего не нужно... Эй, что ты делаешь? Зачем раздеваешь меня?!

Мастер: Ещё раз — может, вспомнишь.

Саньмэй: ...

Мастер: Если не вспомнишь — повторим.

К счастью, встречаясь с Шэнь Фаши, Цзи Саньмэй всегда находил в своей бездонной самоуверенности крупицу здравого смысла. В своё время Шэнь Фаши считался в городе Чжуинь одним из самых видных и статных кавалеров — строгий, принципиальный, к тому же обладатель врождённого превосходного водного духовного корня. Жаль только, что на лице его всегда красовался лозунг «не подходи», со временем отпугивавший даже собак. Лишь Цзи Саньмэй мог, отбросив стыд, приставать к нему с разговорами.

Однако, как бы высокомерен и неприступен он ни был, пришло время — и надо жениться.

И потому Цзи Саньмэй подавил подступающую к горлу кислоту и превратил боль от «потравленной капусты» в детское любопытство к плотским утехам:

— И каково это?

Шэнь Фаши: ...

Ладно, лучше не спрашивать. Его слова слишком двусмысленны, как бы не развратить ребёнка.

Но Цзи Саньмэй уже заинтересовался и, придвинувшись, решил докопаться до сути:

— ... Ну каково?

Среди горестных дум Цзи Саньмэя и впрямь затесалось любопытство: что за человек мог

заставить такого бесчувственного, как Шэнь Фаши, произнести столь откровенные слова о «лучших радостях любви»?

Шэнь Фаши не желал продолжать разговор и прикрыл ему глаза ладонью:

— Спи.

— Хотя бы вкратце, — ладонь Шэнь Фаши была для ребёнка такого возраста слишком велика и легко закрывала всё лицо. Тёплый влажный воздух, выдыхаемый Цзи Саньмэем, обтекал её и возвращался обратно, неся с собой лёгкий аромат сандала.

Цзи Саньмэй втянул носом этот тонкий запах и, не сдаваясь, продолжил:

— Ну каково же это?

Шэнь Фаши молчал, опустив глаза.

... Каково это было?

Если описать одним предложением...

Даже его ступня была привлекательнее, чем голое тело любого другого.

Но таких непристойных речей Шэнь Фаши ни за что не произнёс бы перед ребёнком.

Не получив ответа, Цзи Саньмэй постепенно успокоился. Он придвинулся к Шэнь Фаши, тычась затылком в его бедро.

Поняв его намерение, Шэнь Фаши мягко приподнял вялое тельце и уложил голову малыша себе на колени.

<http://bllate.org/book/16281/1466099>